

83.3(2-411.2)6-115
к П36

ЕЛЕНА МАМИНА

Литературное наследие России

83.3(2=411.2)6-115
к 1736

ЕЛЕНА МАМИНА

Литературное наследие России

О, сколь превратен этот свет.
Совсем, совсем в нём правды нет!

Елена Мамина

Центральной
городской
Сибирской
г. Красноярск
от автора, составитель

Е. М.

83.3(2=411.2)6 - ЦБ
К ПЗ6

*Посвящается 120-летию со дня рождения
Елены Дмитриевны Маминой*

А. Пичугин

Елена Мамина

Литературное наследие России

Нижний Тагил

2011

148102

УДК 821.161.1.092

ББК 83.3(235.55)

П 36

Редактор: Кузнецов В.К.

А. Л. Пичугин

Елена Мамина

Литературное наследие России

В 2012 году отмечается 120 лет со дня рождения дочери уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка - Елены Дмитриевны Маминой. Дмитрий Мамин называл её просто - Алёнушка. В книге краеведа-исследователя Андрея Пичугина прослеживается таинственная и малоисследованная биография Елены Маминой. Унаследовав творческие способности, за свою короткую жизнь Елена Мамина написала несколько стихотворений, тем самым искренне и душевно выразив своё интересное, но нелёгкое жизненное положение, в котором она оказалась.

ISBN 978-5-904897-06-2

Елена Мамина. Литературное наследие России. / Сост. А.Л. Пичугин. - Нижний Тагил: «Репринт», 2011, - 58 с., илл.

© - Автор-составитель: Пичугин А.Л., 2011.

Приглашение к книге

21 марта 2012 года Елене Дмитриевне Маминой /1892-1914/ - единственной дочери уральского писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка - исполняется 120 лет со дня рождения. Короткая жизнь Елены внесла в культуру России свою капельку литературного творчества. Её творческие способности постепенно развивались с самого детства, она хорошо рисовала и с девяти лет начала писать стихи. Эти удивительные стихи пронизаны чувством любви к жизни и своеобразием мироощущения. Когда читаешь их, мгновенно попадаешь в чувственный мир, насыщенный радостями и печалью. Она воспользовалась своими творческими возможностями в полной мере, оставив нам своё отношение к миропониманию, в написанных ею проникновенных стихах:

*О, сколь превратен этот свет.
Совсем, совсем в нем правды нет!*

Не секрет, что Лена с детства росла слабым и больным ребёнком. Благодаря её отцу Елену с детства окружала творческая обстановка. Она росла среди писателей, они с ней разговаривали и уделяли ей внимание. За её болезненным и капризным состоянием вырисовывалась личность, она боролась с недугом и занималась творчеством, в том числе собирала автографы и портреты писателей, и писала стихи о своей судьбе.

Преодолевая свое тяжёлое настроение, она написала:

*Пусть жизнь играет мной,
Но горькое рыданье
Не от меня ей слушать суждено.
И, несмотря на тяжкое страданье,
В душе моей и ясно, и светло.*

Цель этой книги - популяризировать творчество писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка, а также его дочери как начинающей поэтессы. Книга составлена из единичных воспоминаний знакомых, тех, кто окружал Елену Мамину, в том числе её отца

Дмитрия Мамина. Воспоминания о Елене Маминой сохранились в редких статьях и книгах, изданных по прошествии многих лет, и составлена по найденным отдельным строчкам. И в первую очередь это документальная повесть М.Г. Китайника «Алёнушка - отецкая дочь», книга И.А. Дергачёва «Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество» и дневник Ф.Ф. Фидлера, вышедший отдельным изданием в 2008 году под названием «Из мира литераторов: Характеры и суждения», где можно найти, по воспоминаниям авторов, самые интимные подробности личной жизни Елены Маминой.

Лена знала, что её отец родился на Урале, и всячески стремилась побывать на его родине, и это случилось в 1913 году. С Урала она возвращалась вся залитая слезами. Елену Мамину мы будем помнить не только как дочь писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка, но и за её огромное стремление приблизиться к литературному искусству. И несмотря на то, что она родилась неизлечимо больным ребёнком, нашла в себе силы и заполнила своё душевное состояние учёбой, поэзией, коллекционированием и творческой работой.

Дмитрий Мамин называл свою дочь ласковым именем - Алёнушка. Вместе с женой Ольгой Францевной они всё лучшее передали ей: свою заботу, внимание, и она росла с развитыми творческими способностями, но судьба отпустила ей очень короткую жизнь.

От редактора

Книга тагильского краеведа-исследователя Андрея Леонидовича Пичугина посвящена биографии дочери прославленного уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка Елене Дмитриевне Маминой, которой в 2012 году исполнилось бы 120 лет. Дмитрий Наркисович посвятил своей дочери с любовью написанные «Алёнушкины сказки». И эта любовь передалась многим поколениям детей, воспитанных на его сказках.

Вот только жизнь Елены Маминой была отнюдь не сказочной. Об этом в своей новой книге размышляет автор книги. Отношения с гражданской женой Марией Якимовной Алексеевой постепенно сошли на нет. Новая любовь с Марией Морицовой Абрамовой словно окрылила 38-летнего писателя. И вдруг - смерть при родах любимой женщины. Конечно, такое горе трудно пережить. Но осталось частичка любимой женщины - его единственная дочь Елена, которую он любил и воспитывал.

А.Л. Пичугин анализирует отношения Алёнушки с отцом, который, вопреки препятствиям, удочерил Елену. Достойны уважения её борьба с болезнью, её последний шаг - завешание. Гранитный памятник напоминает уральские скалы, на нём слова Д.Н. Мамина-Сибиряка: «Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец - вот настоящее счастье». Жизнь Мамина была частью жизни Елены - и наоборот. Они вместе страдали, радовались, и это было для них настоящее счастье.

В.К. Кузнецов.

О книге

Тагильский краевед-исследователь Андрей Леонидович Пичугин рассказывает в своей книге о неизвестных ранее страницах из жизни уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка и его дочери Елены Маминой. Книга насыщена подробными событиями из личной жизни семьи Маминых. В первую очередь о человеке, муже, отце, писателе... и в частности, о неподдельно тёплых отношениях с его дочерью. Из-за развивающейся болезни жизнь Елены была короткой, но очень яркой, насыщенной, напрямую повлиявшей на творчество Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Своей дочери Елене он посвятил «Алёнушкины сказки», где Алёнушка послужила ему «живой моделью» для изображения других детей. Жизнь Мамина была частью жизни Елены. Он пишет: «Буду жить для этого маленького существа, буду работать для него и буду счастлив».

В 1914 году после Елены родословная ветвь, продолжавшаяся на протяжении двухсот лет, оборвалась. Но её стихи живы, они навевают и тяжёлые мысли, и светлые, и радостные, наполненные жизненным смыслом:

*Года прошли, из девочки весёлой
Я девушкой уж сделалась давно,
И жизнь суровая рукой своей тяжёлой
Мне давит плечи, но в душе светло.*

Лариса Исаева, корреспондент
«Пригородной газеты».

Елена Мамина

*Буду жить для этого маленького существа,
буду работать для него и буду счастлив.*

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Елена была единственным ребёнком в семье уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка /1852-1912/. Он называл её ласково - Алёнушка. В Екатеринбурге, в Доме-музее Д.Н. Мамина-Сибиряка, экспонируются личные вещи его дочери Елены Дмитриевны Маминой. В комнате, посвящённой петербургскому периоду жизни Д.Н. Мамина-Сибиряка, на столе - фотография девятнадцатилетней Елены Маминой, вставленная в деревянную рамочку. На краю стола серенькая тетрадь, подписанная рукой Елены: *«Стихи Е. Маминой»*. Рядом с тетрадью лежат томик стихов и фотография любимого поэта Семёна Яковлевича Надсона. На столе стоят два деревянных подсвечника, которые они делали вместе с отцом Дмитрием Маминым, и шкатулка, куда Лена складывала свои маленькие девичьи вещицы. На стене висит акварельный рисунок, нарисованный Еленой, где изображен уголок природы: дерево, крыльцо, около него скамейка, вдали зелёный лес. В экспозиции музея - открытка Елены, начинающаяся словами: *«Милая мама...»*, - обращение к Ольге Францевне Маминой.

Всматриваясь в эти экспонаты, я вспомнил, как наша учительница начальных классов черноисточинской школы Евдокия Максимовна Малетина поведала о маленькой Алёнушке - дочке Мамина-Сибиряка. О том, как отец сидел у кровати, где лежала больная Алёнушка, рассказывал ей свои только что сочинённые сказки. Слушая учительницу, в моей детской душе возгорелась радость от существования, но она переплелась с грустью, связанной с её ранним уходом из жизни.

Увидев эти экспонаты - свидетели жизни Елены, мне стало интересно, чем она жила, о чём думала и мечтала и о чём писала свои стихи. Мне захотелось пролистать тетрадь с её стихами и прочесть их. Художественный талант и творчество Елены не скрывались в её многострадальной душе. Ко мне пришла идея понять незнакомый образ Елены Дмитриевны Маминой, которая в своё время позитивно повлияла на творчество писателя Мамина-Сибиряка и сама попыталась оставить

крупную капельку литературного таланта, это несколько её стихов. Она писала их в болезненном состоянии, они наполнены тоской и грустью. Задавшись целью собрать биографический материал о Елене Маминой, я пролистал все книги, статьи, которые были мне доступны. В результате появилась эта биографическая книга, наполненная редкими и малоизвестными фактами из личной жизни и которая раскрывает её творческий потенциал, несмотря на то, что Елену Мамину одолевала развивающаяся болезнь.

Появлению Елены на свет предшествовала встреча Д.Н. Мамина-Сибиряка с актрисой Марией Абрамовой осенью 1890 года, когда она приехала в Екатеринбург с гастролирующим театром. У них были общие знакомые, и Дмитрий Мамин добился её взаимности, провожая каждый раз после спектаклей домой. Ответ Марии на внимание Дмитрия Мамина был неожиданный: «Прошрое умерло, настоящее вам известно, будущего я не знаю». На Мамина встреча произвела неизгладимое впечатление, вызвала в душе писателя бурю неиспытанных чувств, но и Мамину открылся весь трагизм судьбы Марии.

Дмитрий Мамин не пропускал ни одного спектакля, где выступала Мария Абрамова. В екатеринбургских газетах Дмитрий Мамин придирчиво читал все рецензии об актрисе Марии Морицовне. По воспоминаниям публициста Н.В. Остроумовой-Сиговой: *«Когда на сцене появлялась Мария Абрамова, он весь превращался в слух и зрелище, не замечая ничего окружающего. В сильных местах роли Абрамова обращалась к нему. Глаза их встречались, и Мамин как-то подавался вперед, загораясь внутренним огнем, и даже румянец выступал на его лице. Когда опускался занавес, Дмитрий Наркисович обращался ко мне и вполголоса говорил: «Хороша!». Затем, видимо, погружался в мечты. После спектакля он провожал актрису домой».*

«Любовь 38-летнего Мамина и 25-летней актрисы всё возрастала, превращалась в безумную, неудержимую страсть, разрушающую все преграды», - писала обозревательница в «Екатеринбургской неделе». Хотя знакомые и его мать Анна Семёновна не одобряли новое знакомство.

Увлечённый обаянием Марии, Дмитрий Мамин писал другу: *«Какая-то больная улыбка осветила это чудное молодое лицо, полное такой чарующей внутренней красоты. Это было одно из тех удивительных лиц, в которые нужно вглядеться, и которые тем больше нам нравятся. Меня поразила красота выражения и та дорогая простота, которая сказывалась в каждом движении»* (Журнал «Про любовь и не только», 1995).

В гастрольное время актрисы столичные журналы публиковали статьи про выступления Марии Абрамовой: *«2-же Абрамовой ещё предстоит блестящая будущность. К особенностям её таланта нужно отнести то, что она не копирует разные столичные знаменитости, вырабатывает свои собственные типы. Это признак крупной творческой силы»*.

Отец Марии Мориц Григорьевич Ратони /1829-1895/, венгр по происхождению, случайно попал в город Пермь, скрываясь от австрийской монархии. В Перми Мориц Ратони занимался фотографией, работал переводчиком в окружном суде, он знал несколько языков. Здесь он познакомился с русской девушкой, дочерью лекаря, и в 1863 году они поженились. Через два года у них родился первый ребёнок - Мария. В 1885 году Мориц участвовал в экспедиции на Новую Землю. В 1886 году, после смерти жены, переехал в Екатеринбург, где и скончался.

В Перми Мария Морицовна встретила с сосланным сюда начинающим писателем, «государственным преступником» Владимиром Галактионовичем Короленко. В 1880 году Мария приглашает Владимира на любительский спектакль. Короленко отправили в ссылку, далее в Сибирь, она пришла его проводить, подвергая себя опасности. Судьба Марии Морицовны Гейнрих сложилась неудачно, о чём она сама рассказывала в письмах к Короленко. В ней уживались тонкость чувства, постоянная настороженность, враждебное отношение к окружающим. Даже мстительность, вызываемая неверием в добро.

В 1883 году родители направили Марию в Казань учиться, но она снова занимается театральной деятельностью, и вскоре возвращается домой с мамой, которая уехала за ней. В 1884 году она выходит замуж за секретаря воинского присутствия, заядлого театрала, как и она сама. Но счастья это не приносит. Они разъехались через несколько лет по разным театральным труппам, после чего больше не встречались. Мария Абрамова очень много работает (шесть спектаклей за неделю), и становится самой популярной из провинциальных актрис. В 1889 году в Москве она открывает частный театр, на следующий год поступает в труппу антрепренера П.П. Медведева, который начинал сезон 1890-1891 года в Екатеринбурге. В этом городе после смерти матери жили сестры Марии Морицовны, её многодетная семья, в том числе сестра Лиза.

В.Г. Короленко попросил Марию передать свой портрет писателю Д.Н. Мамину-Сибиряку. Это был редкий повод познакомиться с автором романов, который писал и о театре. При встрече она сказала ему: *«Я вас давно знаю, конечно, по вашим произведениям»*. Короленко она написала о первом свидании: *Мамин-Сибиряк «очень понравился – такой симпатичный, простой»* (И. Дергачёв, 1962).

После трех месяцев работы в Екатеринбурге, в декабре, у Марии Морицовой прошёл бенефис, ей рукоплескал уральский город, зрители дарили цветы. К гражданскому браку Мамина-Сибиряка екатеринбуржцы отнеслись недружелюбно. «Екатеринбургская неделя» замалчивала Абрамову, противопоставляя ей актрису Мореву (М.Г. Китайник, 1983).

Местное «общество», включая газету, повело борьбу против «актёрки», увлекшей писателя. Делалось это бесцеремонно, грубо, больно ранило писателя и привело его к решению навсегда порвать с Екатеринбургом (И. Дергачёв, 1962).

Через год, оставив гражданскую жену Марию Якимовну Алексееву, Дмитрий Мамин уезжает в Петербург с молодой 27-летней Марией Морицовой. Анна Семёновна была против нового гражданского брака сына, считая церковный брак более нравственным. Длинная дорога в течение двух недель, с 8 по 21 марта 1891 года, в столицу вела через Касли, Златоуст, Москву. В Петербурге они снимают квартиру из двух комнат на улице Миллионной в доме №9 (ныне Халтурина). Мария играет роли в театрах, Дмитрий пишет свои самые лучшие романы.

В Екатеринбурге Мария Якимовна Алексеева физический и духовный разрыв с Маминым перенесла очень тяжело. В последние годы личные отношения с гражданской женой Марией Якимовной исчерпали себя. Мария Алексеева, передавая Дмитрию Мамину свой жизненный опыт, помогала ему на литературном поприще. Тем не менее, личное счастье от супругов постепенно уходит. Причины были разные - это и отсутствие общих детей, неприятие брака мамой Дмитрия, Анной Семёновной, внутреннее истощение, когда двоих уже не связывает ничто общее как мужчину и женщину. В последние дни, перед отъездом Дмитрия Мамина в Санкт-Петербург с новой избранницей, Мария Якимовна написала прощальное письмо: *«Дмитрий Наркисович! Поля мне сказала, что вы уезжаете завтра... Очень не желалось бы, чтобы из-за меня Вам пришлось уехать совсем, и глубоко верю и желаю верить, что совсем Вы не уедите, то есть вернетесь. Не бойтесь жить здесь, чтобы не столкнуться со мной: как не мешала Вам никогда, так и не помешаю потом. Мой мирок так ничтожен, так мал, да и надолго ли хватит, горизонт узок, что Вам нечего бояться столкновений.*

Вы уезжаете, не простившись, приходите в дом без меня, мы расстаемся как личные враги... Зачем? Почему? Что я вам сделала? Просила Вас уйти? Этим досадила? Но вдумайтесь, и Вы поймете, кем и чем это вызвано. Вам тяжело? А мне легко? Не верьте сплетням, которые стараются действовать на ваше самолюбие. Верьте только тому, что, где бы Вы не были, в каких бы обстоятельствах

не жили, всегда и везде душа моя будет полна Вашими радостями и Вашими печальями - благо радостей мало.

Вам тяжело, да, но вас окружают близкие люди. Вы в состоянии бывать на людях. А я... Мало слов. Много слёз, и горя - реченька бездонная! Никто не видит моего горя, и никто не заметит, с каким чувством уйду я сначала в подвал, а потом в могилу. Да что об этом говорить! Кому нужно?!

Прощай, Дмитрий! Будь счастлив и помни, что есть в мире сердце, в котором ты не перестанешь жить тогда, когда оно перестанет биться.

Жить вместе невозможно - вижу, что тебе со мной скучно, но вражды не пере-несу. Помните, что живу только известиями о Вас, хотя знаю, что они наполовину искажены. Будьте здоровы, и, если надумаете написать мне, внесёте радостные минуты в мое безрадостное одиночество. Это единственная милость, которую могу принять от Вас и в которой я нуждаюсь, потому что теряю порой почву под ногами... Ещё раз - будьте счастливы, работайте и избегайте приключений, да и поменьше наших общих знакомых. Вот всё, что может пожелать Вам Ваш старый друг. М.Я».

На письме сделаны два дополнения: «Если захотите меня увидеть, я дома - больна, сижу без голоса и с разбитыми нервами. Куда Вам писать, если, конечно, этого желаете» (Фонды ОМПУ).

Нетрудно догадаться, что чувствовал Мамин-Сибиряк после прочтения этого сердечного письма. У него текли слёзы. Он ещё долго не мог успокоиться, размышлял, как правильно сделать следующий шаг - остаться в Екатеринбурге или уехать в Петербург? Менять одну крепость на другую? Очень беспокойно было у него на душе...

Впоследствии Мария Якимовна продала дом на улице Колобовской и поселилась на улице Береговой в собственном доме, так как не могла жить в нём после отъезда Мамина-Сибиряка из Екатеринбурга. Хотя она звала к себе в гости Анну Семёновну, дома их находились рядом. В последние годы жизни Мария Якимовна, позабытая всеми, была совершенно одинока и больна.

Несколько слов об уральском писателе Дмитрие Наркисовиче Мамине-Сибиряке. Он родился на Урале в Висимо-Шайтанском заводе в 1852 году. С детства его окружали книги, природа, Уральские горы. Он видел, как трудятся его родители, мать Анна Семёновна по хозяйству, а отец Наркис Матвеевич был настоятелем Никольской церкви в Висимо-Шайтанском заводе. В 1866 году Дмитрия отправили учиться в екатеринбургское духовное училище, потом в пермскую семинарию. В

1872 году Дмитрий он поступил в Медикохирургическую академию на ветеринарное отделение, но, не закончив обучение из-за болезни и неуплаты за обучение, вернулся на Урал в Нижне-Салдинский завод, куда переехали его родители. В Петербурге Дмитрий Мамин начинает подрабатывать журналистом и пишет свои первые рассказы и романы. В 1878 году с гражданской женой Марией Якимовной Алексеевой писатель переехал в Екатеринбург, где продолжил заниматься литературой, много путешествовал по Уралу. В 1886 году он посещает Москву и со своими изданными произведениями прочно входит в большую литературу. Высоко оценил писателя Мамина-Сибиряка В.И. Ленин, когда отметил: *«В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения...»*

В 1903 году Дмитрий Мамин в последний раз приезжал в Екатеринбург, но так и не набирался смелости встретиться с Марией Якимовной. *«Вроде и невиновен перед ней, а сердце иной раз так заносит, что принёс человеку горе. Неповинному ни в чём человеку причинил тяжёлую боль до конца жизни»,* - говорил Дмитрий своему брату Николаю.

Ф.Ф. Фидлер 5 сентября 1895 года сделал запись в своём дневнике, но первоначально задал вопрос Д.Н. Мамину-Сибиряку: *«А как обстоит дело с твоей первой женой?»* - *«Я прожил с ней двенадцать лет, был, наверно, счастлив, ибо она была замечательной, умной женщиной... Ну и... Слишком долго рассказывать... Несколько лет изучал медицину и право. Бывал очень богат и очень беден, посещал дворцы и притоны. Знался с людьми разных сословий и разного общественного положения, видел людские характеры - и вот полнота этих впечатлений довольно душит меня, а материал властно просится наружу. К тому же мне оказывает добрую службу великолепная память: я прекрасно запоминаю цифры, также отдельные выражения или фразы, которые мне когда-либо довелось слышать; я забываю лишь имена, и у меня нет никакой филологической памяти, два-три раза штудировал от корки до корки Оллендорфа и Марго и все равно ничего не знаю по-французски. Да, я труженик литературы! Десять лет подряд редакции возвращали мне свои вещи, а я всё-таки не пал духом... я только теперь узнал себе цену: я потрясающий человек, честное слово! Я ни разу не изменил ни одной женщине, потому что ни одной из них не говорил, что люблю, кроме Маруси; даже в самые сладостные откровения я отвечал «Нет!» на вопрос женщины люблю ли я её. Любовь всегда для меня была святым словом, как и Алёнушка - священный предел моего сердца. Ради неё я никогда не женюсь, хотя во мне очень развит семейный инстинкт».*

Вскоре по приезде в Петербург Мария ~~Алексеева~~ ^{Алексеева} забеременела, её одолевало сомнительное мучение: *«умру от родов»*. На похоронах русского писателя А.И. Гончарова она говорит Дмитрию Мамину: *«Вот здесь меня и похорони»*.

21 марта 1892 года у них родилась дочь. Роды были преждевременны, с большими повреждениями для физического и духовного развития новорождённой. О будущем здоровье девочки врачи не предугадывали, всё было непонятно. Дмитрий Наркисович написал сестре: *«Милые дети, сегодня в три часа ночи родилась дочь...»*

На следующий день Марии становится всё хуже и хуже, и к вечеру 22 марта она неожиданно умирает. Мария только раз поцеловала свою дочь и сказала одну фразу: *«Митя, посмотри на дочку»*.

На Дмитрия Наркисовича свалилось большое горе, он с трудом пережил эти траурные дни. Марию Морицовну похоронили, где она и попросила. Дмитрий Мамин остался с новорожденной дочкой и десятилетней Лизой Гейнрих, младшей сестрой Марии Морицовой. Заботу о дочери берёт на себя издательница журналов Александра Аркадьевна Давыдова, она же становится крёстной матерью. Впоследствии А.А. Давыдова основала журнал «Мир божий». Крёстным отцом девочки стал Николай Константинович Михайловский. Новорождённую девочку назвали Елена, но фамилия осталось прежняя - Абрамова, так как Мария Морицовна не была ещё разведена.

Благодаря сохранившейся переписке Д.Н. Мамина-Сибиряка с матерью А.С. Маминой фольклористу М.Г. Китайнику удалось восстановить хронологию жизни Елены Маминой. Некоторые строки, составленные из писем Мамина-Сибиряка, мы сейчас читаем. Через две недели после рождения дочери Дмитрий Мамин отправляет послание родственникам в Екатеринбург: *«Буду жить для этого маленького существа, буду работать для него и буду счастлив»*. В этот период они живут в Сапёрном переулке, в доме №8. Сейчас на доме есть мемориальная доска, на которой написано: *«В этом доме в 1891-1893 годах жил известный русский писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк»*.

25 марта 1892 года Дмитрий Мамин пишет матери Анне Семёновне: *«Вихрем пронеслись пятнадцать месяцев счастья, и осталось чёрное горе, безысходное и тяжёлое, как могильная плита: на руках у меня осталась наша девочка Елена - все моё счастье»*.

Дмитрий Мамин вспоминал, как покойная Мария Морицовна любила Некрасова, она часто читала его книги. Когда М.М. Абрамова умерла, его знакомая по

имени Фёклушка говорила, что это бог наказал Дмитрия Наркисовича за то, что он бросил Марию Якимовну ради актёрки.

Из воспоминаний Марии Карловны Куприной-Иорданской: *«В середине мая Дмитрий Наркисович поселился с нами на даче около Павловска. Рядом с комнатой Алёнушки была его комната. Утром до раннего обеда он писал, а днём в часы, когда девочка спала, уезжал в город или уходил рисовать этюды. Он рисовал только пейзажи... Прошло два месяца, Алёна поправилась и окрепла. Она начала улыбаться; её улыбка делала отца счастливым. Теперь он не уходил в свою комнату или в парк, когда к нам из города приезжали знакомые».*

27 мая 1892 года Дмитрий Мамин пишет сестре Лизе: *«... я не могу писать - я исхожу слезами. А ребёночек, моя сиротка, растёт и хорошеет...Прелестный ребёнок, которым всё любят и в котором уже светит красота матери...»*

В августе 1892 года снова матери написал письмо: *«...Не ропщу на судьбу и не впадаю в уныние: работать нужно для Лены., а она цветёт красотой. Даже страшно за неё - такая прелестная девочка. Я всё боюсь за неё и ужасно тревожусь всякими пустяками; ведь это последняя ниточка, которая привязывает меня к жизни...»*

Женским чутьем Анна Семёновна сразу поняла, что этот ребёнок может стать смыслом жизни для её сына. Об этом свидетельствуют строки из письма Анны Семёновны дочери Лизе, написанные вскоре после рождения Алёнушки: *«Я очень желаю, чтобы дочка Мити жила. Всё же она будет для него опора в жизни»* (Фонды ОМПУ).

Осенью 1892 года, когда Дмитрию Мамину исполнилось 40 лет, он размышлял: *«Счастье промелькнуло яркой кометой, оставив тяжёлый и горький осадок. Благодарю имя той, которая принесла это счастье, короткое, мимолетное, но настоящее».*

18 декабря 1893 года Мамин отправляет письмо в Екатеринбург: *«... Алёнушка совсем поправилась и начинает бегать, а также есть... Вообще повеселела и шалит, когда ложится спать. У ней сейчас полон рот зубов - прорезались последние, которые являются только на пятом или шестом году. Всех зубов у неё 24, и врачи приписывают такой случай завидному здоровью».*

После рождения Алёнушки 25 января 1893 года друг Мамина, переводчик и педагог, один из лучших друзей Мамина, Ф.Ф. Фидлер, записал в своём дневнике: *«Вчера был Мамин. Свеж и здоров. «Помаленьку» пишет рассказы для детей. Уверял, что «довольно невосприимчив к боли». Когда Алёнушка появилась на свет,*

врач-акушер сказал, что мать и ребёнок, скорее всего, умрут. Мамин возразил ему: «Что касается матери, - не знаю. Но ребёнок останется жить, в нём отцовская кровь. Уже триста лет течёт в жилах их предков поповская, то есть здоровая крестьянская кровь!»

Постепенно Мамин-Сибиряк отходил от горя и уже на следующий 1893 год устроил себе такие именины, что можно было напоить и накормить человек 50, но было человек 12, свидетельствовал Ф.Ф. Фидлер. В этом же году Д.Н. Мамин-Сибиряк познакомился у А.А. Давыдовой с гувернанткой, помощницей по журналу «Мир божий», педагогом Ольгой Францевной Гувале /1857-1934/. Она была француженкой, после женского патриотического института занималась преподаванием в Петербурге. С 1894 года Ольга Францевна живёт у Маминых и помогает воспитывать Елену.

С каждым годом становилось яснее, что у Елены начали проявляться признаки нервной болезни. Лена ходит за ручку, что очень всех беспокоит, и в первую очередь - Дмитрия Мамина. В 1894 году Мамин-Сибиряк с дочкой переезжают в Царское Село /ныне город Пушкин/. Всю любовь и нежность он отдает дочери, называет Алёнушку «отецкая дочь». В декабре 1894 года были в Петербурге на консилиуме врачей, которые ничего не сказали. *«Мать - актриса, отец - писатель, и бедная крошка унаследовала проклятую нервность».*

В конце 1895 года в Петербург приехала сестра Елизавета Наркисовна Удинцева, они не виделись шесть лет. Дмитрий с Лизой вспоминали знакомых по Висиму, Нижней Салде, Екатеринбург, и милых зелёных горах... Племяннику Борису было уже 4 года. Лена называет Анну Семёновну *«сибирской бабушкой»*.

С появлением Алёнушки творчество Дмитрия Наркисовича набирало обороты. Появляются новые лучшие произведения для детей - «Алёнушкины сказки» и «Светлячки», которые вышли в свет в 1896 году. Таким образом, имя боготворимой им дочери Алёнушки он навсегда связал с русской литературой. Кроме 15 романов, Мамин-Сибиряком написано около 130 произведений для детей. Дмитрий Мамин как-то сказал: *«Эта крошка привела с собой всю мою детскую литературу»*. Чтобы сделать подарок дочери, Мамин стал писать воспоминания из своего детства «Из далёкого прошлого».

Брат покойной Марии Морицовны вспоминал, что он не знал ни одной матери, которая относилась бы к своему ребёнку с такой нежностью, заботой, снисхождением, как это делал Мамин (Фонды ОМПУ).

Когда дочке исполнилось четыре месяца, Мамин-Сибиряк пишет письмо Анне Семёновне из Петербурга: *«Лена растёт по дням. Сегодня ей пошёл уже четвёртый месяц. Девочка крупная, с широкими плечами, как у матери, только глаза, как говорят, останутся серыми, а не в мать. Это меня огорчает, потому что я хотел бы, чтобы она во всём походила на мать... Усиленно буду работать, чтобы, по крайней мере, обеспечить её материально...»*

Лиза Гейнрих, младшая сестра Марии, учится в гимназии и помогает Дмитрию Наркисовичу и Ольге Францевне водиться с маленькой Еленой.

В сентябре 1893 года Мамин, Фидлер и Альбов посетили кладбище Александровской лавры. Мамин расхваливал православие, говоря при этом: *«Немцы стоят перед Бисмарком и сидят перед Богом... для русских было бы полезнее быть побеждённым, нежели победить: всё же они победят немцев... разотрут их в прах, как плевков ногой... а Берлин станет русским городом»*. Такими подробными событиями насыщена новая книга **«Из мира литераторов: Характеры и суждения»**, которая переведена с немецкого языка и впервые публикуется на русском языке и издана в Москве в 2008 году. Это личный дневник переводчика, коллекционера, поэта и педагога Фридриха Фридриховича Фидлера, в котором впервые публикуются колоритные, нередко интимные подробности литературного быта и частной жизни русских писателей, в том числе Д.Н. Мамина-Сибиряка и Елены Маминой. Ф.Ф. Фидлер - одна из центральных фигур петербургской литературной жизни 1880 - 1910-х годов. Дневники Фидлера - своего рода памятник, содержательный и уникальный, охватывающий сотни имен, событий и фактов, огромный литературный мир в его многообразии, который пестрит противоречиями. Фридрих Фидлер по-настоящему дружен был с Маминым. Фидлер - немец, но любит русскую литературу. Он ещё и коллекционер, у него постоянно собираются знаменитости, окурки которых он собирал для коллекции. Кроме рукописей, автор оставил ряд пакетов с надписью «вскрыть после моей смерти».

Эту редкую и единственную книгу, которая попала в Екатеринбург в Дом-музей им. Д.Н. Мамина-Сибиряка с помощью Глеба Дмитриевича Удинцева, библиотекарь Дома-музея Елена Павловна Буланова выдала мне с большим трудом, под честное слово, всего на одни сутки.

Д.Н. Мамин-Сибиряк постоянно скучал по Уралу, где бы он ни находился, он мечтал свозить в свои родные места, в Екатеринбург, в Висим дочь Алёнушку (И. Дергачёв, 1962). Мечта его осуществится позже, когда Дмитрия Наркисовича уже не будет в живых.

В 1896 году Мамин находился в городе Гунгербурге, который расположен на берегу Финского залива, и оттуда писал своей сестре Елизавете: «... Я с удовольствием вспоминал прелестный уголок. Я всё-таки люблю вспоминать зелёные Уральские горы, и хотелось бы показать их Алёнушке». Через год Мамин-Сибиряк пишет матери Анне Семёновне о том, что снова мечтает показать Уральские горы Алёнушке: «Часто выдаюсь с Алексеем Кузьмичом [Денисовым-Уральским], делимся незабываемыми впечатлениями, как бродили там, на Урале, и какие красоты видели. Хотел бы показать их Алёнушке, когда вырастет, но вряд ли это возможно».

В Петербурге у Мамина-Сибиряка постепенно идёт угасание творческой деятельности, нет связи с уральским народом. В своём кабинете Дмитрий Мамин поставил верстак и работал на нём по два часа в день, изготавливал столярные изделия, в том числе игрушки для Алёнушки. 3 ноября 1896 года Мамин закончил восьмую сказку для Алёнушки, которую выпустил с Тихомировым к Рождеству. «Алёнушкины сказки» начали печататься с 1894 года в журнале «Детское чтение». Отдельным изданием книга впервые вышла в 1896 году. Сказки отца заложили в Алёнушке немало добрых начал. Любовь к природе, умение видеть и понимать её. Думаю, что и любовь к живописи: ведь образы этих сказок так и просились на полотно художника. Сперва Лена рисовала на темы - «Алёнушкиных сказок»: зайчишек, воробышек и особенно цветочки; как и в этих сказках - синие, жёлтые, голубые, розовые, красные, белые.

В пять лет Лена уже считает до десяти и знает несколько букв. В 7 лет Елена начинает читать и рисовать, но правая рука подвержена самопроизвольным движениям. 25 января 1899 года Дмитрий Мамин пишет из Царского Села: «Алёнушка учится читать и начинает разбирать по слогам, что меня несколько радует. Вот с письмом у нас чистое горе, правая ручка сильно трясётся, и вместо прямых и овальных линий получаются зигзаги...»

19 сентября 1896 года Ф.Ф. Фидлер записывает в своём дневнике: «Маленькая Алёнушка попросила его недавно: «Папа, женись, а то ведь у меня нет мамы!»! На днях она лежала в кроватке и болтала голыми ножками. «Тётя Оля» сделала ей замечание, но она успокоила её, сказав серьёзным голосом: «Ах, тётя Оля, здесь нет мужчин!» Мамин рассказывал это с нежной любовью. Впрочем, несмотря на всю свою любовь к Алёнушке, Мамин, по его словам, не внёс её в своё завещание как наследницу, получающую доход со всех его сочинений. «Общеизвестный факт: сыновья-наследники становятся гуляками, а дочери наследницы - проститутками.

Родители, умирая, должны завещать своё состояние не детям, а какому-нибудь благотворительному фонду. Детям следует так же, как некогда их родителям, потрудиться в борьбе за существование. Правда, до своего совершеннолетия Алёнушка будет получать определённую сумму, там уж - пусть сама пробивается!»

В 1900 году Д.Н. Мамин-Сибиряк с Алёнушкой и О.Ф. Гувале возвращаются в Петербург и снимают квартиру по улице Пантелеймоновской в доме №13, ныне улица Пестеля. В 1901 году Елена снова начала учиться в школе, она одета в коричневое платье и чёрный передник. Она левой рукой написала бабушке Анне Семёновне несколько строк: *«Дорогая бабушка, поздравляю с великим праздником, как ты поживаешь? А я учусь, и это мне не доставляет никакого труда, так что много свободного времени».*

За время воспитания Лены Дмитрий Мамин и Ольга Францевна прониклись уважением и взаимностью друг к другу, и 6 февраля 1900 года они обвенчались в церкви Святого Николая. В день обручения Мамин был одет во фрак, она - в белое подвенечное платье. Ольга была на пять лет моложе Дмитрия и принадлежала к обрусевшему французскому роду. Мамину было 48 лет, Ольге - 43. Её иностранная родня ко дню свадьбы постаралась с подарками. Анна Семёновна на этот раз одобрила выбор сына. Перед свадьбой Ольга Гувале написала Анне Семёновне: *«Алёнушка будет тоже присутствовать, она Ваша и Елизаветы Наркисовны кровинушка. Сшила я ей белое платьице, а Лиза будет в розовом».*

Перед свадьбой Дмитрий Мамин по секрету сообщил Фридриху Фидлеру, что женится на Ольге Францевне, она превосходно ведёт хозяйство, *«...но об африканской страсти нет, конечно, и речи. Но я думаю иногда о собственной смерти, а ещё о судьбе Алёнушки... Я бы мог жениться на молодой и красивой девушке - таких случаев представлялось несколько, но я выбрал тётю Олю, потому что лучшей матери для Алёнушки я себе не мог представить...»*

Дмитрий Мамин официально женился на Ольге Францевне Гувале после двух гражданских браков - с Марией Алексеевой и Марией Абрамовой. Это была самая сложная роль Дмитрия Наркисовича. Три женщины искренне его любили и были с ним счастливы. И он платил взаимностью: Марии Якимовне - признательностью и талантом, добрая половина его произведений посвящена ей. Марии Морицовне - страстной любовью: *«...Благословляю имя той, которая принесла это счастье, короткое, мимолётное, но настоящее».* Ольге Францевне - благодарностью за Алёнушку.

В 1934 году Ольга Францевна писала Борису Удинцеву: *«Сегодня как раз день свадьбы нашей с дядей Митей; это было 34 года тому назад в морозный, но солнечный день, нас венчали два часа, и вся церковь была залита ярким солнцем, что придавало всему что-то торжественное...было много народу, присутствовала вся литература, которая была в Петербурге, моя очень большая родня и очень много детей; я просила, чтобы всех привезти, и пели дети на клиросе, так как я всю жизнь провела с детьми...»*

Ольга Францевна гордилась положением жены большого русского писателя и любила его, наверное, гораздо больше, чем он её. Чувство материнства помогало Ольге Францевне переносить все капризы болезненной и впечатлительной падчерицы. Когда девочка назвала её мамой, это стало высшей наградой за долгие годы терпения.

В последние годы семья Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка живёт в пригородах Петербурга в Павловске и Царском Селе /ныне город Пушкин/. А.К. Денисов-Уральский присутствовал на свадьбе Маминых в качестве единственного друга с Урала. Отчески и любовно опекает Денисов-Уральский больную Алёнушку, а Мамин, в свою очередь, становится крёстным отцом новорождённого сына Денисова Коли. Мамин теперь особенно нуждался в Денисове. Более десяти лет Мамин не бывал на Урале, а Денисов, вернувшись из родных краёв, делился с ним уральскими впечатлениями (С.В. Семёнова, 1978).

После свадьбы новая хозяйка дома - спокойная, уравновешенная, деловая - упорядочила быт писателя, не давая ему, как выразился В. Немирович-Данченко, быть *«слишком близко к ресторанам»*.

В 1902 году Дмитрий Мамин писал матери в Екатеринбург: *«По вечерам у нас ведутся разговоры о поездке будущим летом на Урал, что всех очень занимает. Недавно были на выставке Денисова, и Урал, и его картины всем очень понравились»*.

Писатель Павел Заякин-Уральский, когда был в гостях у Мамина-Сибиряка в Петербурге, увидев картину, на которой был изображен завод, и, рассматривая её, прочёл надпись: *«Д. Мамину - дорогому земляку на память о дорогой родине. А. Денисов-Уральский, 19-IV, 1903 г.»* Дмитрий Наркисович пояснил: *«Это Висимо-Шайтанский завод. Там я родился»*.

Елена занимается английским, французским и немецким языками, поступает на курсы истории и философии Стоюниной. Она с трудом пишет, и то левой рукой. Поступает на курсы рисования художника Кравченко. В середине 1900-х годов обострилась болезнь, врачи настойчиво требовали не обременять её занятиями.

После смерти Марии Гейнрих в течение 10 лет Дмитрия Наркисовича волновал ещё один вопрос: что П.Г. Абрамов, муж Марии Абрамовой, может предъявить права на Елену, так как по документам она была записана на фамилию Абрамова. Мария Абрамова умерла, не успев развестись с бывшим мужем. Поэтому Мамин-Сибиряк торопился узаконить свою дочь, и боялся, что Абрамов может забрать себе Елену, предъявив на неё право. Дмитрий Мамин как-то сгоряча сказал Фидлеру: *«Этому негодяю Абрамову может прийти в голову забрать у меня Алёнушку, и суд примет его сторону: но тогда он получит от меня нож в брюхо! Проживу в Сибири!»*

Муж Марии Абрамовой П.Г. Абрамов отказался от дочери, отправив Мамину телеграмму из Томска. А.И. Макушин, редактор газеты «Сибирская жизнь» сообщал, что Абрамов согласился легко, как «порядочный человек». 7 февраля 1902 года Мамин снова сообщает Ф.Ф. Фидлеру: *«Наконец-то я её могу усыновить! Целых десять лет нависал надо мною этот дамоклов меч! ...Сколько я пережил! Если б он не согласился, я б его прикончил - ведь я азиат!»*

Пребывая в 2000 году в Петербурге, старший научный сотрудник Нижнетагильского музея «Горнозаводской Урал» А.С. Смирнов в Российском государственном архиве познакомился с документами об удочерении Елены Абрамовой Маминым-Сибиряком. *«1902 года марта 19 дня по указу Его Императорского Величества Санкт-Петербургский окружной суд по 7 отделению выслушал дело по прошению потомственного почётного гражданина Дмитрия Наркисовича Мамина об усыновлении ему Елены. Определил: Елену, дочь пермского мещанина Петра Григорьевича и Марии Морицовны Абрамовых, родившуюся 21 марта 1892 года, признать усыновлённой дочерью потомственного Почётного гражданина Дмитрия Наркисовича Мамина, с предоставлением усыновлённой фамилии «Мамина».*

В 1902 году, после удочерения дочери, Мамин-Сибиряк пишет маме Анне Семёновне: *«И камень отвален бысть от гроба... Этот камень, который давил меня целых десять лет. Сегодня в 4 часа 34 минуты пополудни в Петербургском окружном суде состоялось усыновление Алёнушки, причём она будет носить фамилию Маминой. Останется ещё выхлопотать ей «отчество» в судебном порядке».*

Через поручителя Соколова Дмитрий Наркисович добивается полных прав для дочери, какими обладал сам. Он являлся почётным гражданином города Санкт-Петербурга. В январе 1903 года Сенат принял резолюцию по делу Мамина и его дочери. За Еленой признавалось почётное гражданство, фамилия и отчество отца Мамина-Сибиряка, но через повторное разрешение Императорского Величества.

Знакомый Мамина-Сибиряка Д.И. Тихомиров рассказывал: *«Маленькая Алёнушка стала единственным существом, которое обязывала его жить. Весь запас любви он отдавал своей Алёнушке. Он пристально следил за развитием ребёнка. С чувством тихой радости он, крайне редко говоривший о себе и о своих чувствах, как-то коротко обмолвился: «Прочитал Алёнушке сказку «О рыбаке и рыбке», а она говорит мне: «Я старуху-то палкой прибью, зачем она старика обижает!» - И в другой раз рассказал: «Сидим мы с ней на диване, играем, а она и говорит: «Давай, папа, бороться, я ведь сильнее тебя!» и ещё говорит: «Давай, папа, с тобой вдвоём жить, ты да я, - и больше никто!» Читал он Алёнушке и свои сказки. - Это ты, папа. Сам написал? А я знаю, кто тебя научил писать, Потапенко!»*

Лиза Гейнрих, младшая сестра покойной Марии, воспитывалась в семье Маминых до своего двадцатилетия, пока не получила паспорт. В 1902 году поступила учиться на курсы милосердия. В 1904-1905 годах отправилась на Дальний Восток и участвовала в военных действиях с Японией. Она напоминала Мамину-Сибиряку старшую сестру - любимую Марию. Из-за ревности Ольги Гувале Лиза уходит от Маминых в общину сестёр милосердия, а потом и на русскояпонскую войну. После войны в Петербурге Лиза встретила с писателем Александром Куприным. Она выслала Мамину свою фотографию. Несмотря на то, что он был равнодушен к Лизе, Дмитрий не мог с ней встретиться. И причина тому - Ольга Мамина.

С 1902 по 1908 годы Мамины снова живут в Царском Селе. Елена Мамина соскучилась по царскосельской природе. В 1904 году Анна Семёновна и её внук Борис приехали в гости в Петербург. Побывали в Царском Селе, где жили Мамины. Двоюродные брат и сестра - Борис и Елена - вместе гуляли в Царскосельских парках, у них сложились дружеские отношения. Они рассказывали друг другу о своих родных местах, об Урале и Петербурге.

«Лена была нервная, издерганная, любила ходить в церковь», - вспоминал потом Борис. Она росла болезненной и слабой, отставала в развитии, причиной был тому и алкоголь Мамина-Сибиряка. Лена не может сосредоточиться на учёбе, а позднее вынуждена учиться дома, сдавая экзамены экстерном. Ей ничто не помогало: ни морские купания, ни свежий воздух в Павловске.

По воспоминаниям профессора Ю.М. Колосова, Елена страдала болезнью «святого Витта», её лицо подвергалось конвульсиям и судорожно подёргивалось. Нелечимая болезнь отравила всю жизнь этой девушки. Она избегала обществ, замыкалась в себе и уходила в мир поэтических грёз. У неё появились поэтические

наклонности, и она изливает своё настроение сочинением стихов. Стихи Лены пронизаны мягкой задушевностью и тоскливым настроением.

Ещё с детства Лена мечтала стать писательницей. Она постоянно видела, как вдохновенно трудится её отец. Лена растёт в литературной среде, знает многих писателей лично. Лена читает и пишет стихи с девяти лет. Когда ей исполнилось 11 лет, рассказывал Ф.Ф. Фидлер, Елена написала стихотворение: *«О превратности жизни»*, начинающееся словами:

*О, сколь превратен этот свет.
Совсем, совсем в нём правды нет!*

Но Мамин посоветовал дочери *«писать только то, что она сама переживает, а лучшее всего - вообще ничего не писать»!*

Одно стихотворение Елена посвятила своему брату Боре Удинцеву:

*Дорожи улыбкой каждой, каждым солнечным лучом,
Звонким смехом, что сквозь горе пробивается ростком.
Дорожи весенним утром, звонкой песней соловья
И цветущею сиренью у раскрытого окна.
Не грусти, что скоро осень тёмным золотом блеснёт
И над озером в тумане лист последний оборвёт,
А потом метель седая застучится под окном,
Проклиная, стеная, и врываясь в тихий дом.
Залит солнцем луч зелёный, и дрожит весенний зной
Между тёмными соснами и гранитною скалой.
На душе спокойно, ясно - не грусти в весенний день,
Прогони улыбкой счастья горя трепетную тень.
Позабудь тоску, печаль ты в день ликующей весны,
Улыбаясь, пусть проснутся забытые мечты.*

Ольга Францевна, приёмная мать Елены, занималась с ней образованием. Лена рисовала, писала стихи, играла на рояле. Сохранились её рисунки. Один из них находится в экспозиции Дома-музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге в общей комнате, которая использовалась под столовую. Елене нравятся стихи поэтов С.Я. Надсона, и И.Ф. Анненского /1856-1909/. Сохранилась двенадцатистра-

ничная тетрадь серенького цвета с надписью «*Стихи Е. Маминой*». Она мечтала стать писательницей, как её отец.

Когда в прошлом году я работал в музее, в научной библиотеке, заведующая музеем Д.Н. Мамина-Сибиряка Надежда Прокопьевна Крякунова любезно представила мне перепечатанные стихи Елены Маминой. Мы также посмотрели написанные её рукой стихотворения, где проглядывал своеобразный почерк. В фондах музея писателей Урала хранится тетрадь, исписанная рукой Елены Маминой. У неё был трудный, неразборчивый почерк, и сотрудникам музея пришлось скрупулёзно потрудиться, чтобы расшифровать рукописный текст и свободно его прочесть, почувствовать особенность поэтического стиля. Среди них были стихи, посвящённые её радостным дням, Царскосельскому парку, осенней природе, трудной судьбе и памяти её любимого поэта С.Я. Надсона, который бывал в доме Маминых.

С.Я. Надсон с его неодолимой тоской о несбывшемся человеческом счастье особенно волновал её. Волновали образы благородных героев поэзии Надсона, судьба которых так напоминала трагическую судьбу самого поэта. В стихотворении «Памяти Надсона» Елена пишет:

*Он жил средь нас с душой своей больною,
Не видя солнышка и радостных цветов;
Обуреваемый тяжелою тоскою,
Он слышал только звон кандалный, звон оков.
Он слышал стоны тех, кто с детства сиротою
Остался обойден на радостном пиру;
Пленённый горести трагичной красотой,
Он пел ее одну...
Он умер, и давно. Не волосы седые,
Не старость дряхлая его вели к земле,
Он умер юношей, и песни молодые
Уснули с ним в могильной тишине...*

В апреле 1884 года Ф.Ф. Фидлер познакомился с поэтом С.Я. Надсоном и сделал запись в дневнике: «С Семёном Яковлевичем Надсоном я познакомился у Всеволода Гирина в понедельник 23 апреля в 1884 года. Он носил усы; офицерский мундир и был ему очень к лицу. Не подозревая, что в будущем он станет так знаменит, я ограничился в записях того лишь одной пометой: «Держится

просто, сердечно и мило». Помню лишь, что он читал вслух свое стихотворение «Герострат» и демонстрировал с помощью Гиришина способ чтения мыслей. Намеренно говорю: способ. Каждый из присутствующих должен был записать на бумаге короткий вопрос и аккуратно сложить листок; Надсон собрал все билетик, заложил руки за спину, затем вынул один билетик, приложил его ко лбу, придал своему лицу задумчиво таинственное выражение, произнес какой-то ответ, затем развернул листок и прочитал вопрос, который в точности соответствовал ответу, - эффект был огромен... Эта игра требует огромной сноровки, которой вполне обладал Надсон... Мы возвращались домой...и я помню поразившие меня слова Надсона о том, что у него чахотка и через несколько лет он умрёт; его жизнерадостный и лукавый вид никак не вязался...»

Запись Ф.Ф. Фидлера от 4 февраля 1887 года: «Сегодня на Волковом кладбище хоронили Надсона - русский новый мир и интеллигентные круги русского общества проявили к нему завидное чувство любви и уважения».

С.Я. Надсон по каким-то загадочным обстоятельствам стал любимым поэтом Елены Маминой. Скорее всего, их объединяла общая трагедия и общее душевное состояние. Семён Надсон сочинял очень сокровенно:

... И грудь стеснят желанья.

И ласк захочется, и негой вспыхнет взгляд.

Но первые слова стыдливого признания

Из робких уст твоих бесплодно прозвучат...

Тицетно в сердце, уставшем от мук и тревог.

Исцеляющих звуков я жадно ищу:

Он растоптан и смят, мой душистый венок,

Я без жизни борюсь и без песни грущу!..

Елена Мамина продолжает заниматься литературной деятельностью, пишет стихи, читает книги, общается с писателями, которые приходят в гости к Мамину-Сибиряку, они вместе ходят к знакомым писателям или на творческие встречи. Елена под впечатлением личных встреч начала коллекционировать портреты и автографы писателей на открытках. Публицист Г. Градовский писал Дмитрию Наркисовичу: «Посылаю несколько автографов писателей для вашей дочери». В обществе журналистов Петербурга Елена Мамина беседовала с редактором жур-

нала «Русское богатство» Петром Филлиповичем Якубовичем-Мельшиным по поводу своих стихов.

Её следующее стихотворение - о зимнем Царскосельском парке:

*О, парк заиндевель,-
Весь в белизне кудрей,
Мой парк, лазурно-белый,
Весь в серебре ветвей.
Блестят его седины,
Сияют под лучом,
На тихой речке льдины
Засыпаны снежком.
Хрустальное молчание
Стоит между снегов,
Его очарование
Лишь рушит скрип шагов,
Да крик ворон голодных.
Зловещих черных птиц...
И на полях холодных
Пушистый бег лисиц.
И тихо все, лишь сосны
Чуть шепчут в полусне
О том, придут ли весны?
Воскреснут ли оне?*

Стихи о поздней осени:

*Осень пришла и фатой золотою
Тихо покрыла деревья, кусты.
Первый морозец с подругою вьюгою
Брызнул румянцем на клена листы.
Желтые листья на ветках качаются,
Желтые листья шумят под ногой,
Желтые листья с землею прощаются,
Скоро они отойдут на покой.*

*Лето прошло, и осеннее, светлое
Небо глядится в заплаканный пруд.
Кончилось лето, и с думой заветною
Листья простятся и тихо уйдут.
Скоро зима, как невеста вся белая,
С неба на землю по тучкам сойдет,
Тело покроет и листы сиротелые,
След их вьюгой заметет.*

Елена Мамина рассказывала в стихах о своей нерадостной, тяжёлой судьбе, но твердом характере:

*Не баловала жизнь, шиповник и жасмины
Мне под ноги не сыпала она.
Лишь горя и тоски тяжёлые картины
Она послала мне, но я была тверда.
В час первых бурь я рук не опускала
И слез не тратила в тяжёлые часы.
Как в битву витязь шёл, не от пустив забрала,
Так шла и я, забыв свои мечты.
Под жизненной грозой и дикой, и могучей
Я шла уверенной, спокойною стопой,
В слезах я доли не молила лучшей.
Не плакала над мрачною судьбой.*

Лена писала о тяжёлых субъективных настроениях:

*Вдруг сердце сожмется с болезненной силой,
Рыданье дрожит на устах.
И кажется, жребий кому-то уж вынут.
Один уже строгий отмечен судьбой.
И должен нас скоро навеки покинуть,
Уйти на последний покой.*

Мамин-Сибиряк с грустью слушал стихи дочери, а нередко сердился на её странности. Он просил свою сестру Аню отвлекать её от плохих настроений. Преодолевая тяжёлое настроение, она писала о своей светлой душе:

*Пусть жизнь играет мной,
Но горькое рыданье
Не от меня ей слушать суждено.
И несмотря на тяжкие страдания,
В душе моей и ясно и светло.*

*Мир мой любимый. Лазурные звуки,
Песни рояля в предсумрачный час,
Повести счастья и страшные муки -
Все мне расскажет и все передаст.
Горе тяжёлое, слезы бессильные,
Грёзы усталой души -
Все передаст нам: и слёзы обильные
Хлынут волною в тиши.
Он успокоит нас сказкой нарядною,
Грезю, песней родной,
Повестью тихую, чудной, отрадную
Он возрастит нам покой.
Всё, что тяжёлого в жизни встречается,
Душу томило и жгло
С музыкой чудною тихо сливалось,
В звуках печаль унесло.
Высохли слезы, и песни далёкие
Смолкли. Царит тишина.
Слезы последние и одинокие
Вслед им послала душа.*

*Отгремела гроза, перестал уже дождь,
Белых молний ушла череда,
Тихий ветер стряхнул у березоньки гроздь,
И закапала с листьев вода...*

*За сосновою рощицей птицы поют,
Заливаясь в малинных кустах.
Шмель, покинув надёжный под крышей приют,
И шумит, и грустит на цветах...
Отгремела гроза, снова солнечный луч,
Улыбаясь, глядит мне в глаза
И играет в листве, и горяч, и могуч,
Позабыта лихая гроза.*

Скрипач

*Я видела его со скрипкой на эстраде,
Чужого средь чужих под блесками огней.
Небрежно прислонясь к высокой балюстраде,
Он пел и радости и черный сонм скорбей.
Он пел, как за одну улыбку счастья
Мы платимся горячих слёз волной
И целым месяцем холодного несчастья
За солнечный денёк весеннею порой.
И пел о том, как страшно одинок он
В огромном городе средь каменных громад,
И как томится он у неоткрытых окон,
Когда весенние ручьи о радости журчат.
Он смолк, и вот рукоплесканьем
Дрожит огнистый зал, повсюду стук и гам.
Он окружен восторженным вниманьем,
И розы падают, кружась, к его ногам.
Затеряна в толпе шумящей, говорливой,
Ему рукоплескать я не могла,
Но греза чудная в душе моей счастливой
Лишь для него средь терний расцвела.
Лишь для него во тьме осенней ночи,
Как в сказке, выросли волшебные цветы,
И слезы радости мне застилали очи,
Чуть колыхались волшебные листы.*

*Душа моя бестрепетно приникла
К его душе горячею волной,
И в глубины её тоскливые проникла,
И претворила скорбь в луч солнца золотой.
Где ртении росли, там распустились розы,
И, где земля томилась без дождей,
Рокоцут радостно серебряные грозы,
Ожившие ручьи ждут: грянет соловей.
Так грезила я вечером осенним
И в ночь холодную, мечтая, не спала,
Пахнуло в душу радостным, весенним,
И отклика всем сердцем я ждала.
Но не было его, а утром на вокзале
Мне снова встретился герой бессонных душ.
Он был не тот, как там, в концертном зале.
Под маленьким дождем рассеян и угрюм.
В лице его обрюзгшем, некрасивом
Мечты былой я больше не нашла,
И скрипача того, что сказочною силой
Душа с любовью создала.
Не видела я в нём, и, публикой любимый,
Лишь ей в угодую с скрипкой он рыдал,
А сам, так буднично довольный и счастливый,
Слёз вдохновенья ни разу не знавал.
Прощай, мечта моя, ты рано распустилась,
Подёнкой-бабочкой полсуток прожила,
Но сердце грустное тобою возродилось
И сказка чудная в душе моей прошла.*

*Над осенней рекою туманы грустят,
Тихо никнет листва побуревшая,
С неба тучи, уныло насупясь, глядят,
Улетают грачи оробевшие.
Только ворона клёне пурпурном сидит,
Как на трупе убитого воина*

*И, тоскуя, он долго и дико кричит,
Словно просит, чтоб смерть успокоила.
Скоро пурпур и золото наземь падут,
В грязь затоптаны будут прохожими.
Отойдет золотого наряда пора,
И под хмурыми, темными тучами
По деревьям пойдёт вихрей чёрных волна,
Свалит листья поблекшими кучами.
Всё, что ясней весною привольно цвело
И беспечно поутру смеялось,
С первым вихрем, рыдая, навеки ушло
И с сырою землёю смешалось.
Позабыта весны молодая краса,
Лета жаркого трудные дни,
И в последнем наряде вздыхают леса,
Вспоминают о солнце они.*

Или такие душевные слова, наполненные жизненным смыслом:

*Мне грустно, когда за окном
Кружатся снежинки зимой.
Мне хочется плакать о парке родном,
О жизни своей молодой.
Вокруг меня город безупречно шумит,
Трамваи звенят и грустят,
А сердце в груди непрестанно болит,
И очи слезами горят.
О чем, почему, я не знаю сама,
В душе воцарились огонь и слеза.
Смертельно болит молодая душа,
И гнусь я в тоске, как лоза.*

14 февраля 1912 года стихи Елены Маминой были напечатаны в журнале «Мир», а затем в журналах «Юная Россия» и «Труд», за подписью «Алёнушка Мамина». Стихи дочери писателя вызывали интерес у её почитателей. В конце 1911

года Елена знакомит двоюродного брата Бориса со своими стихами. Две тетради стихов Елена подарила ему, и впоследствии Борис вспоминал: *«Удивительно, как в этом человеке умещались инфантильность и болезненные капризы, некоторая доля таланта и даже своеобразная образованность, хотя она и не получила систематического школьного образования».*

Журналист А.Т. Михайлов вспоминал Дмитрия Мамина и его дочку Елену: *«Из боковых дверей выглянула бледная, с русалочным взглядом, девушка лет 15 и удалилась в соседнюю комнату. Это была Алёнушка, оранжерейное существо.*

Встречался я с Д.Н. на собраниях Петербургского общества журналистов, происходивших еженедельно. Читались доклады на литературные темы...

Приходил он уже в «настроении» и, невзирая на публику, с риском нарушить тишину, шутил с Алёнушкой, дурачился, трепля её за косу, щекотя шею. Алёнушка робко улыбалась своим бледным личиком и словно не смела противиться нежным отеческим ласкам в неподходящей обстановке. Д.Н., не дослушав доклада, удалялся под руку с дочерью в буфет, где и досиживал до конца за бутылкой пива... Он молчал, устремив глаза куда-то вдаль, по временам дополняя стакан. Алёнушка глядела ему в глаза, наивно улыбалась, и тоже молчала»:

Забегая вперед по поводу издания биографии Елены Дмитриевны Маминой, Б.Д. Удинцев в 1963 году предложил свой замысел фольклористу Михаилу Григорьевичу Китайнику, чтобы он воплотил эту идею в жизнь. М.Г. Китайник только через 10 лет начал работать над биографией Елены Маминой. В основу повести положена неопубликованная переписка Д.Н. Мамина-Сибиряка с матерью А.С. Маминой, сестрой Е.Н. Удинцевой, а также деятелями русской культуры. Сейчас эти письма хранятся в Государственной библиотеке имени В.И. Ленина, в Центральном государственном архиве литературы и искусства, в повесть вошли и материалы московского семейного архива Б.Д. Удинцева. В 1983 году в Ленинграде в историко-литературном журнале «Русская литература» была напечатана отдельным оттиском документальная повесть «Алёнушка - отецкая дочь».

В 1986 году автор книги М.Г. Китайник на конференции, посвящённой Д.Н. Мамину-Сибиряку, проходившей в Свердловске, подарил её с дарственной надписью историку из Нижнего Тагила Татьяне Константиновне Гуськовой. Потом они встречались в Москве, в доме у Натальи Дмитриевны Удинцевой, где она хранила архив Дмитрия Мамина.

В свою очередь Т.К. Гуськова передала повесть «Алёнушка - отецкая дочь» в краеведческую библиотеку Нижнего Тагила. И вот эта редкая книга у меня в ру-

ках. Листая её, удивляюсь: оказывается, книга пронизана личными событиями, связанными с развитием Елены Маминой, где отображены её творческие способности, начиная с рождения и до её смерти в 1914 году. С некоторыми интересными письмами и материалами сейчас мы и знакомимся:

В 1899 году Мамин-Сибиряк пишет Анне Семёновне в Екатеринбург: «... У нас наступило лето, и мы блаженствуем, особенно Алёнка. Дача в сосновом леске, воздух чудный, сейчас же река, где купанье и где я ужу пескарей. Помаленьку возвращаюсь к раннему детству, когда удить рыбу и ходить за грибами составляло всю цель существования...»

В 1902 году Дмитрий Мамин пишет в Екатеринбург, где сообщает, что хочет съездить на Урал: «...По вечерам у нас ведутся разговоры о поездке будущим летом на Урал, что всех очень занимает. Недавно были на выставке Денисова, и Урал и его картины всем очень понравились».

Как торжествовала Елена, услышав от отца летом 1903 года, что они поедут на родину её папы. Мамину действительно было невмоготу жить воспоминаниями об Урале. Надо ехать на Урал, там живут родственники Елены, она их мало знает. Елена очень хотела поехать с ним, но состояние её здоровья не позволяло отправиться в столь длинное путешествие. Елена продолжала болеть, и Мамин-Сибиряк отправился в далёкое путешествие по Волге и Каме один. Вернувшись с Урала, он рассказывал: «Всё-таки Урал лучше всего, что я видел».

Осенью 1905 года семья Маминых посетила Крым, они отдыхали в Балаклаве, вместе с родителями была и Елена. Она больше всего радовала Дмитрия Наркисовича: на южном солнце загорела, как «арапка». Но чувствовала она себя всё равно плохо.

Современники вспоминали её - тоненькую, с робкой улыбкой на бледном русалочьем лице, огромные чёрные глаза, мягкие, круглые, грустные, пугливые, как у дикой козочки. Девочка так срослась с природой и культурными ценностями петербургских окраин, что Крым на неё не произвёл никакого впечатления, даже когда они гуляли по ялтинской набережной. На берегу Чёрного моря Алёнушке постоянно грезилась Павловский парк и царскосельские красоты...

Екатерина Павловна Пешкова - жена А.М. Горького - вспоминала о периоде, когда они находились в Ялте: «Часто можно было встретить Дмитрия Наркисовича, гуляющего с дочкой Алёнушкой, нервной, болезненной девочкой. Она ходила тогда на костылях. Худенькая, с выразительными чёрными глазами, она была любимицей отца».

В Петербурге Мамины часто бывали в гостях у Ф.Ф. Фидлера. Из воспоминаний Ф.Ф. Фидлера: *«16 января 1906 года, вчера вечером были Мамин, тётя Оля и Алёнушка. Он приезжает в Петербург всего раз в месяц. «Тётя Оля» держит его в строгости и разрешает ему лишь бутылку пива в день. Выглядит бодро, но всё ещё очень забывчив».*

В августе 1906 года Дмитрий писал матери, рассказывая ей про Алёнушку: *«Учится она с ленцой, но это не мешает ей мечтать о карьере писательницы. Кто знает, может быть, со временем эта детская фантазия осуществится...»*

В 1908 году Елене Маминой исполнилось 16 лет, и Дмитрий Мамин подводит итог совершеннолетия дочери: *«Сегодня исполнилось Алёнушке 16 лет. Пройден трудный путь, пережито много тревог и опасений, но без этого ничья жизнь не складывается. В общем сказать пока могу одно, что я очень доволен Алёнушкой, какой она сейчас есть... В ней непостижимо уживались острая наблюдательность, жажда деятельности и пассивность, мечтательность. Вдруг увлеклась религией».*

Осенью 1908 года семья Маминых переезжает из Царского Села в Петербург, чтобы отдать семнадцатилетнюю Елену Мамину учиться в восьмой класс гимназии М.Н. Стоюниной. Это была одна из лучших гимназий в Петербурге. Но Елена не стремится в Петербург, ей по душе Царскосельский парк, Екатерининский сад, Чесменская колонна. На этот раз они останавливаются на Вереysкой улице в доме №3. Квартира состояла из пяти комнат, в центральной комнате находился кабинет писателя.

В личном архиве Удинцевых сохранились воспоминания соученицы по гимназии Екатерины Николаевны Чеховой о пребывании Елены Маминой в школе: *«В первые дни занятий входит в наш класс Мария Николаевна и говорит: «К вам придёт новенькая - дочка писателя Мамин-Сибиряка». «Алёнушка!» - воскликнуло сразу несколько голосов. «Алёнушкины сказки» знали все. «Да, Алёнушка, - сказала Мария Николаевна, - она очень больна. У неё был детский паралич. Многие годы она лежала. Училась дома. Отец просил принять её ласково, будьте внимательны. Она может произвести на вас странное впечатление, так как остались следы паралича, но она умница, много читала, интересуется литературой...»*

На следующее утро в класс вошла высокая худенькая девушка. У нас была форма - голубые передники, а она была в английской блузке и черной юбке (передника она так никогда и не носила). Небольшие косы были заколоты вокруг головы. Лицо у нее было чуть-чуть детское, с нежным румянцем, черты лица правильные.

Она была бы хорошенькой, если б ее не портил всегда открытый рот. Походка была неровная - одну ногу она немного волочила, а рука с той же стороны висела вдоль тела и чуть-чуть дрожала.

Она вошла совершенно свободно, поклонилась и сказала медлительно-глуховатым голосом: «Я буду у вас вольнослушательницей. Где моё место?» Мы указали третий ряд - сидели по росту - прямо напротив учительского столика. Садилась она как-то неловко, уронила свой портфельчик. Мы увидели, что она управляется одной рукой.

Держалась спокойно, уверенно, даже чуть свысока. Мы сразу почувствовали, что она привыкла к бережному вниманию, и наш приветливый приём был для неё обычным, Алёнушка стала посещать лекции по литературе, по истории и слушала курс психологии.

В шумном коллективе Алёнушка уставала. Вскоре она стала посещать только уроки литературы. У нас была лекционная система. Историю литературы читал известнейший в то время в Петербурге преподаватель Владимир Васильевич Гиппиус. Мы записывали и обрабатывали его лекции, по ним же сдавали экзамены. Алёнушка ничего не записывала. Думаю, она не могла быстро писать, но дело не в этом. Она слушала с напряжением и удивлялась - как мы можем одновременно и записывать и думать. Но мы ничего не думали, лишь бы успеть записать...

Мы поражались, как много читала Алёнушка, главным образом классиков, русских и западных, и с каким захватывающим интересом говорила она о литературе, часто касаясь тем и вопросов, о которых тогда мы не имели понятия. Всегда нетерпеливый и резкий Владимир Васильевич даже задерживал нас в классе, обсуждая выступление Алёнушки. Она говорила медленно и монотонно, но владела речью свободно и отчётливо излагала свои установки. Иного порядка были её мысли при трактовке Обломова. «И здесь, - говорит Алёнушка, - не личный конфликт, а порождение среды бездельных обеспеченных натур. Это произведение идёт в ряд с сатирой Гоголя - «над кем смеетесь?...» Отец мой говорит, что прежде лечения нужно ставить диагноз. Наши писатели-классики - великие диагностики. Но когда они должны дать методы лечения, они теряются...» Алёнушка заболела. Возможно, от нервного переутомления, и больше к нам не вернулась».

Дмитрий Мамин, рассуждая об учителе русского языка стоюнинской гимназии, который задал тему «Характер Анны Карениной», говорил: «Как может юная девушка, имеющая о любви и браке лишь инстинктивное понятие, понять характер женщины, совершившей супружескую измену?»

После неудачи с гимназией Стоюниной с Еленой занимался её брат Борис Удинцев. Елена Мамина не могла не быть «трудным» ребёнком, когда осознала своё положение. В ней непостижимо уживались острая наблюдательность, жажда деятельности и пассивность, мечтательность. Вдруг Елена увлеклась религией, но и Мамин-Сибиряк был верующим.

Елена Мамина хорошо представляла себе, что происходит в современном мире. Ей много довелось узнать о русско-японской войне от Лизы Гейнрих, ставшей потом женой Куприна. В 1905 году измученная Лиза Гейнрих вернулась в дом к Маминим, хотя у неё были родственники в Екатеринбурге.

После последнего переезда в 1908 году из Царского Села в Петербург Дмитрий Мамин зачастил с дочерью к писателям, журналистам, художникам. Бывали в Литературном обществе, где собирались профессора, поэты, критики и газетчики.

7 сентября 1908 года Ф.Ф. Фидлер записал: *«Сегодня зашёл к Мамину. Застал его на улице у подъезда; он возвращался с прогулки. Немного отяжелел, но бодр настолько, что поднимается по лестнице живее меня (они живут на четвёртом этаже) - мне пришлось пару раз останавливаться, чтобы перевести дух. На его письменном столе лежала рукопись, а рядом - раскрытый русско-финский словарь; он работает сейчас над какой-то повестью. «Тётя Оля» утверждает, что он писал в течение всего лета. Она очень довольна их летним отдыхом в Келомяках. Мамин пил мало, часто совершал прогулки и весьма окреп и телом и духом. Я предложил ему устроить празднование его юбилея, но она решительно отклонила мое предложение. «При его скромности, - сказала она, - это обернётся для него одними неприятностями». Она позволяет ему выпить ежедневно две рюмки водки и три-четыре бутылки пива. Я спросил её, как обстоят дела с Лизой («женой» Куприна), и она ответила: «Её имя нельзя произносить в её доме!»... пока я с ней разговаривал, Мамин сидел в столовой с Булацелем (тот ещё ранее навестил, так что мы вместе направились к Мамину); перед ними стояло несколько бутылок пива. Мы выпили в общей сложности шесть бутылок, причём лицо у «тёти Оли» приняло весьма озабоченное выражение. Мамин весело болтал обо всем на свете, и то, что он страдает забывчивостью, не проявилось ни разу; лишь таким образом: он произносил не «курсистки», а «курсиськи». Сожалел, что куда-то пропали десять писем Салтыкова к нему; «это был единственный редактор, который хорошо со мной обращался».*

Он (Мамин) усвоил отвратительную привычку: плюёт в стоящую на столе пельницу! Правда, в нашем присутствии он не позволял себе ничего подобного».

16 сентября 1908 года: «Вчера зашёл Мамин с Алёнушкой. Выпил несколько бутылок пива. Леонид Андреев, по его словам, - «вообще никакой писатель». Толстой - всего лишь букашка рядом с Достоевским, «которого я тоже не люблю, но это - самый великий писатель из всех, какие были и будут в России».

Деятнадцатилетний Борис Удинцев в 1910 году поступил учиться в Петербургский университет на юридический факультет. На I курсе факультета он занимался с сестрой Еленой Маминой русской литературой и историей. В комнате, где они занимались, стояли шкафы с книгами, посередине - стол, сделанный из сибирского кедра, а на стенах висели гравюры. В соседней комнате работал Д.Н. Мамин-Сибиряк. Елена и Борис были двоюродными братом с сестрой, причём ровесниками. После занятий они вместе посещали петербургские музеи и театры, а потом Елена охотно рассказывала о достопримечательностях Санкт-Петербурга. Борис рассказывал об Урале и Екатеринбурге, где в своё время познакомились её родители.

Борис Удинцев вспоминал: *«Когда я приехал учиться, в Петербург, дядя Митя просил меня взять на себя занятия с Алёнушкой по русской истории и истории русской литературе. Мы занимались с ней год (1910/1911), иногда в комнату приходил дядя Митя и урок незаметно превращался в беседу, а учитель и ученица с вниманием слушали своего авторитетного консультанта. Эти беседы оставили глубокий след в моём душевном и интеллектуальном развитии, потому что касались важнейших проблем теории и истории литературы. Но прежде чем сказать о них, остановлюсь на Алёнушке. Помню, она подарила мне две тетради стихов, одна из них теперь утеряна.*

Пересматривая эти, часто несовершенные «опыты», вспоминая длительные беседы и встречи, я живо восстанавливаю перед собой образ моей двоюродной сестры, болезненной, хрупкой девушки, много читавшей и думавшей, но рано (всего 22 лет) ушедшей из жизни. Дядя Митя был болезненно к ней привязан, ведь она росла инвалидом, с каким-то нервными подергиваниями, остатками детского паралича, с изломанной нервной системой. Иногда он с грустью слушал её стихи, осторожно проверял её знания, указывал, что читать, а нередко «взрывался», сердился на её странности, и здесь, в качестве успокоителя выступала тётя Оля.

Чаще всего Алёнушка писала о тяжёлых субъективных настроениях. Когда Дмитрий Наркисович слушал стихи, он задумывался и говорил иногда мне: «вы с сестрой счастливые, вы здоровы, можете работать, а она... Занимайся с ней, пожалуйста, побольше, отвлекай от таких настроений». И мы занимались, читали, беседовали, но настоящей дружбы и понимания не получилось. Дядя Митя

просил мою сестру курсистку (Анну Дмитриевну) брать Алёнушку в студенческое общество, но здесь её как-то стеснялись, не могли найти общий язык. Это было тяжело и для нас, и для отца.

Занятия с Алёнушкой и связанные с ними беседы Д.Н. по вопросам философии и литературы явились для меня в свою очередь как бы научным семинаром, потому что Дмитрий Наркисович вскользь, незаметно высказывался по ряду волновавших меня тем».

Борис писал из Санкт-Петербурга своей маме Елизавете Наркисовне в Екатеринбург: «...Вчера Елена читала мне свои стихи. У ней есть очень хорошие вещицы и несомненно чувство и такт стиха. Кто её знает, может быть, будет поэтессой...»

*Сегодня из парка я рано вернулась
С пучком из весенних цветов.
В наряде из сказок весна развернулась,
Объяла просторы лугов.
В кустах я услышала птиц щебетанье,
Увидела всплески реки,
И сжало мне сердце невольно страданье,
Поблекла душа от тоски.
В наряде весеннем природа родная
Как будто таила щемящуюся грусть.
Склонялась над озером ива седая,
Молчал осеребренный куст.
Со мной уж бывало: с семьей своей милой
Сидишь, и вдруг слёзы горят на очках,
И сердце сожмется с болезненной силой,
Рыданье дрожит на устах.
И кажется: жребий кому-то уж вынут,
Один уже строгой отмечен судьбой,
И должен нас скоро навеки покинуть,
Уйти на последний покой.*

*Над пучиной морской, на высокой скале
Замок сказочный феи стоит,
И сама она вся в жемчугах, в янтаре*

*У распахнутых окон грустит.
Далеко-далеко за лазурной скалой
Догорает весенний закат:
Он полнеба закрыл золотой пеленой,
А над морем уж звезды горят.
Хорошо в небесах, хорошо на земле,
Ночь хрустальная тихо сошла,
Только, руки ломая в широком окне,
Фея радость себе не нашла.
Под тяжёлой короной волос и камней
Очи чудные грустно гудят,
В сердце много тяжёлых и смутных мыслей,
И рыданием губы дрожат.
Побледнел уж закат, и в вечернем окне
Тает призрак, закутанный в газ,
Что-то шепчет вспененной волне,
А закат догорел и безмолвно погас.
Замок чудный пропал, только звезды горят
С синем небе зелёным лучом,
И спокойные волны о берег стучат,
Гулко плещут в затишье ночном.*

*Когда я девчонкой-подростком говорила,
Что жизнь ясна, красива и легка,
И детски радостно уверовала в силу
Железной воли и добра.
Мне старшие с улыбкой говорили:
- Нельзя грустить в твои года,
В тринадцать лет мы кукол всё любили,
И горестей не знали мы тогда.
- Пройдут года, и детка взрослой станет,
Пора иных надежд к ней тихо подойдет,
И горе чёрное в глаза её заглянет,
Тоска тяжёлая ей сердце обойдёт.
Года прошли, из девочки весёлой*

*Я девушкой уж сделалась давно,
И жизнь суровая рукой своей тяжёлой
Мне давит плечи, но в душе светло.*

*Пусть ломает нас, бессильны и безгласны
В её руках, как куклы, мы лежим,
Но царство есть одно - мир радостный и ясный –
Запрет ей в этот мир навеки нерушим.
То смеха мир, навеки нерушим.
То смеха мир, горячею волною
Он в душу мне проник и обновил меня
Своей хрустальною воздушной красотой,
Он создал радости и утолил, горя.*

*Везде, где он звучит, молчит людей страданье,
И скорбь улыбкою сменяется на миг,
Забыто тяжкое, глубокое рыданье,
В душе измученной играет солнца блик.*

*Все, что томило душу ржавыми цепями
И сердце угнетал, так давно,
Как снег, растаявший под внешними лучами,
Под звонкий смех далёко отошло.*

*Пусть жизнь играет мной, но горькое рыданье
Не от меня ей слышать суждено,
И, несмотря на тяжкое страданье,
В душе моей и ясно, и светло.*

*Дар неба - смех, пусть он не замолкнет,
Пока душа жива, покуда мысль в мозгу,
Пусть радостью меня он озаряет
И светит мне, покуда я живу!*

*Тучей дождевою, первой весенней тучей
Над родной землёю, над небесной кручей
Я б хотела таять первыми слезами
И дышать тоскою с тихими полями.*

Мечты Мамина-Сибиряка о литературном будущем дочери вскоре развеялись. Но он понял одну важную истину: для реальной, а не выдуманной Алёнушки важнее успех на литературном поприще, сама по себе вот эта неутихающая поэтическая страсть, разжигающая в девушке огонёк к жизни. Стихотворения Елены вызвали горячие споры в семье. У самого Мамина жизнь в Петербурге «двигалась, к закату», его друг А.Т. Михайлов вспоминал, что с Маминым познакомился за два года до его смерти. По словам А.Т. Михайлова, сам Дмитрий Наркисович признавался, что: «Организм мой был подточен вследствие неосторожного обращения с вином». Далее А.Т. Михайлов вспоминал: «В нормальном состоянии его уже было трудно заставить, и надо было приходить к нему с утра, буквально ловя часы, чтобы иметь возможность побеседовать с ним».

От начала болезни Дмитрия Мамина 4 августа 1911 года до его юбилея литературной деятельности для Елены прошло много бессонных ночей. При подготовке к юбилею Мамина-Сибиряка писатель А.И. Куприн говорил: «Алёнушкины сказки» - это сказки - стихотворения в прозе, художественнее тургеневских, а присказка к сказкам обеспечит Мамину бессмертие». Но Куприна на юбилей не было из-за Ольги Гувале. Ольга Францевна говорила Фидлеру: «... пока [Ольга] живёт с Маминым, вход в её дом для Куприных закрыт. Алёнушка, по её словам, жаждет увидеть Лизу. И стоит хоть раз появиться у Маминых, как Алёнушка - начнёт посещать Куприных. А этого не должно случиться, потому что дом Куприных безнравственный дом».

17 октября 1912 года самый приближённый друг Дмитрия Мамина Ф.Ф. Фидлер отметил в дневнике самую интимную подробность Алёнушкиной жизни: «Сегодня, когда я был у Мамина, Алёнушка засунула себе в рот не просто пальцы, а прямо всю руку, и там стала ею двигать; затем, говоря на ломаном немецком, вдруг сунула правую руку себе под платье и стала... потом стала... ногу - левой рукой...

Как известно, личная жизнь у Лены не складывалась.

В этот же день Ф.Ф. Фидлер спросил у Лены, ухаживает ли она за отцом? «Нет, папа сердится, когда я подхожу к нему; он не может меня видеть!» Значит, он отстраняет её с напускной резкостью; да и чем может помочь ему беспомощное

существо?.. Впрочем, Жихарев рассказал мне недавно, что Алёнушка ему жаловалась: она прочитала отцу какой-то написанный ею рассказ, а он назвал его очень слабым - так что она расплакалась».

Когда отмечали 40-летие его творческой деятельности и 60-летие со дня его рождения, Дмитрий Наркисович полулёжа находился перед собравшимися, и никто не мог понять, воспринимает ли он слова благодарности и поздравления, обращённые к юбиляру.

Ольга Францевна спросила мужа: - Не устал?

Мамин ответил: - Очень устал.

В соседней комнате был накрыт стол, все молча сели за стол, но праздника все равно не было. Ещё до юбилея Мамин сказал - «Поздно».

Поэт А.А. Измайлов спросил Елену Мамину: - Вы изнемогли?

Елена ответила: - **Мы мало спали, мы давно потеряли различие между днём и ночью**, - отвечала она, - **у нас давно бесконечный день**.

С 1 на 2 ноября 1912 года деятельность сердца у Дмитрия Наркисовича ослабла, и он отошёл в вечность.

2 ноября Ф.Ф. Фидлер записал в дневнике: *«Прошлой ночью, в час, умер Мамин. Сегодня я навестил его семью и узнал следующее. В течение вчерашнего дня он тяжело задыхался и не мог выплюнуть мокроту. Сердце и пульс (позавчерашней ночью) совсем остановилось. Вызвали врача, который сделал три укола кофеина: безрезультатно. Помог лишь четвертый укол камфары. Стало слышно, как бьётся сердце: грудь тяжело вздымалась; он задыхался. Один глаз закатился. «Тётя Оля» держала руку на его плече, и он тихо выдохнул: «Держи сильнее, до боли!» Потом Мамин успокоился и заснул. У родственников опять затеплилась надежда. Днём он то и дело начинал плакать, не говоря при этом ни слова. В полночь его приподняли так, чтобы он полулежал. У кровати дежурила сестра его жены. Около часу ночи он сделал два глубоких вдоха, в час - третий, и всё было кончено».*

4 ноября прах писателя повезли по Никольской улице мимо дома его друга Фидлера. Покойный Мамин выглядел очень хорошо, его заморозили. Мамина-Сибиряка похоронили на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, рядом с Гончаровым и со своей любимой женщиной Марией Морицовой Абрамовой. На кладбище поэт Коринфский закончил своё стихотворение словами: *«... в грядущих поколениях ты будешь жить, уральский самоцвет!»*

Из дневника Ф.Ф. Фидлера, запись от 4 ноября 1912 года: *«Сегодня хоронили Мамина. На кладбище Александро-Невской лавры была страшная толкотня, хотя*

толпа на девять десятых состояла из столичной черни, ведь в этот день, что и Мамин, умер Антоний. Я устал, как собака, а потому уехал, не дожидаясь, когда гроб опустят в землю. Но я видел могилу, тесно примыкающую к могиле Гончарова: это облицованный камнем склеп, в котором покоится металлический гроб Маруси (Мамин приобрёл это место двадцать лет назад, когда она умерла). Рядом с могилой стоял временный деревянный крест с идиотской надписью: «Санкт-Петербургский потомственный, почётный гражданин» и т.д. Вчера и сегодня к его гробу несли обвитые лентами венки - из металла, фарфора и живых цветов. О таких почестях покойный и мечтать не мог».

В дни похорон отца Елена Мамина напишет в стихах:

На кладбище тихо:

Всё оборвала судьба впереди.

Молит «светлого бога»,

Чтоб стал покороче её путь под кресты.

После потери отца у Елену Мамину не покидало желание съездить на Урал. «Урал, Урал! Тело каменно, сердце пламенно!..» - любил говаривать Мамин-Сибиряк. Урал входил в жизнь Алёнушки причудливой сказкой. О нём ей вечно кто-нибудь рассказывал: её родственники Мамины и Удинцевы, проживающие в Петербурге, друг Мамина Денисов-Уральский, учительница Елены - Мухина. В феврале 1913 года Елена и Ольга Францевна собираются в Екатеринбург, и путешествие осуществилось летом того же года. Елена побывала в тех местах, где жил её отец Дмитрий Мамин. Она видела комнату, где работал Дмитрий Наркисович. Она понимала, что Екатеринбург - город, где встретились её родители. Елена медленно гуляла по улицам Екатеринбурга, понимая, что здесь всего несколько лет назад были счастливы её родители, они мечтали о совместной жизни в столице. В доме Маминых Елена всматривалась в каждую вещь, принадлежавшую отцу.

Заведующая Нижнесалдинским краеведческим музеем И.Н. Танкиевская предполагает, что Елена Мамина встретилась с Виктором Константиновичем Поленовым в Екатеринбурге, и они вместе сфотографировались. Их родители Константин Поленов и Дмитрий Мамин были хорошо знакомы.

Б.Д. Удинцев рассказывал: «Я не выражал особой радости, когда в мае 1913 года услышал от Алёнушки решение ехать в Курьи. Но спорить с ней было бесполезно. Я проводил её и Ольгу Францевну до Екатеринбурга, а в Курьи они поехали с моей мамой, Елизаветой Наркисовной».

После поездки Елены Маминой на Урал Елизавета Удинцева вспоминала:
«Урал произвёл на Алёнушку огромное впечатление. Она даже ночью бредила им. Но кто из нас не видел, как страдает девушка. На каждом шагу оживал перед ней образ отца. Часто плакала, и плач этот был жуткий - тихий, протяжный, как вой».

В последние годы Елена усиленно собирала коллекцию портретов русских писателей, писала стихи и печаталась. Быстро приближался финал её трагической жизни. В мае 1914 года Алёна приехала в Финляндию, где у неё развился туберкулез после воспаления лёгких. С 21 мая она уже не вставала с постели. Вечерами температура доходила до 40 градусов, а утром понижалась до 38 градусов. Ольга Францевна приглашала лучших петербургских врачей, которые предлагали новые операции. Врач Манухин, который лечил Максима Горького, отказался делать операцию.

Вернувшись с большим трудом из Финляндии в Петербург, Елена с Ольгой Францевной составили завещание: *«1914 год, августа 17 дня. Я, нижеподписавшаяся, личная почетная гражданка Елена Дмитриевна Мамина, находясь в здравом уме и твердой памяти, делаю настоящее завещательное распоряжение в следующем:*
1) Доставшиеся мне по завещанию покойного отца-усыновителя, потомственного почетного гражданина Дмитрия Наркисовича Мамина, авторское право на всё его литературные произведения, - находящиеся ныне, в силу того же завещания, в пожизненном владении моей мачехи, вдовы названного моего усыновителя Ольги Францевны Маминой, - сим завещаю сей последней в полную её собственность; на случай же, если она умрёт ранее меня, завещаю означенное авторское право в полном объёме обществу пособий нуждающимся литераторам и учёным (Литературному фонду). Этому же обществу завещаю и наличные деньги, если таковые после меня останутся.

2) Недвижимое имение, состоящее из дома с землею и пристройками в городе Екатеринбурге по Пушкинской ул., № 27, находящееся также в пожизненном владении моей мачехи, завещаю в пожизненное же владение сестре моего усыновителя Елизавете Наркисовне Удинцевой и брату его, Николаю Наркисовичу Мамину совместно, а после смерти одного из них в исключительное пожизненное другого из них же; в собственность же, после смерти обоих названных лиц, Удинцевой и Николаю Мамина, завещаю означенное недвижимое имущество городу Екатеринбургу. Который настоятельно прошу устроить в этом городе, и по возможности в завещанном доме, или в доме, который на его месте будет построен, «Музей Мамина-Сибиряка».

3) *Все мои книги, за исключением детских, после смерти названной моей мачехи, завещаю Высшим женским бестужевским курсам».*

4) *Всё остальное имущество, которое после меня может оказаться, где бы таковое не находилось, завещаю равным образом названной мачехе.*

Настоящее завещание по просьбе завещательницы, личной, почётной гражданки Е.Д. Маминой и со слов её написал Присяжный Поверенный Генрих Осипович Шифер. Елена Мамина».

Жизнь Елены Маминой оборвалась в 22 года, 5 сентября 1914 года от внезапного заболевания. Ольга Францевна отправила телефограмму Борису Удинцеву. *«5 сентября, в 3 часа 40 минут дня, скончалась Алёнушка».*

6 сентября состоялась панихида по Елене, отпевание прошло в соборе Николы Морского. Похоронили её рядом с отцом, над гробом матери, на кладбище Александро-Невской лавры. На похоронах были О.Ф. Гувале, Б.Д. Удинцев, В.И. Томашевская, Д.И. Рихтер, Ю.Е. Нольде, Ф.Ф. Фидлер, М.К. Куприна-Иорданская. М.А. Мамина, Е.А. Полетаев, Ложкины, Кехлибарджи. Борис Удинцев купил венок с надписью: *«Безвременно ушедшей дорогой племяннице и сестре».*

Когда столичные газеты и журналы оповестили читателей о безвременной кончине Елены Дмитриевны Маминой, Д.И. Тихомиров закончил некролог «Алёнушка Мамина» в октябрьском номере журнала «Юная Россия» такими словами: *«Алёнушка оставила русским детям доброе наследство»*, это наследство в равной мере принадлежит подрастающему поколению всех народов земного шара, добавляет автор повести М.Г. Китайник.

14 октября, в 40-й день после смерти Елены, в Лавре была отслужена панихида. В «Русских ведомостях» Д.И. Рихтер написал некролог: *«Тяжела была жизнь Алёнушки, при рождении у неё была повреждена голова. Отец сомневался в нормальности девочки, понимает ли она для неё написанные сказки... Физические немощи Алёнушки как бы погружали её духовную жизнь в сон... она играла на рояли, писала стихи, но была полубразована, даже полуграмотна... Не забудем же тяжёлой, многострадальной жизни и самой Алёнушки, для которой эти чудесные сказки писались».*

После смерти Елены Ольга Францевна пригласила к себе Бориса. Он поселился в комнате, где жила Елена. Комната была тщательно продезинфицирована. В конце 1914 года в Петербург приезжает родная сестра Бориса Аня, она учится в женском политехническом институте.

Впоследствии Борис Удинцев вспоминал: *«Я совершенно забыл, как Елена болела, отчего умерла. Был ли я, наконец, на её похоронах. Я сейчас не знаю, может быть, я болел в эти дни, и чем болел - тоже не помню. А может быть, её смерть и произвела на меня такое впечатление, что я запомнил решительно всё. Очевидно, состояние моё вызвано было каким-то нервным заболеванием».*

Вдова Ольга Францевна заказала скульптору Илье Яковлевичу Гинцбургу памятник. Она вместе с Борисом ездила к нему в мастерскую, которая находится на Васильевском острове, и принесла фотографии Дмитрия и Елены. Памятник на могиле установили 26 октября 1915 года, открыли его при стечении близких друзей Дмитрия Мамина. После смерти писателя Ольга Францевна переехала на улицу Среднюю Подъяческую, а в период гражданской войны уехала на Кавказ на лечение. Из-за войны вернулась только через четыре года. Квартира в Петербурге была разграблена, многие вещи, в том числе книги и рукописи Мамина, рисунки, портреты и автографы, которые собирала Елена, пропали бесследно. Ольга Францевна Гувале скончалась в 1934 году.

В 1956 году прах Д.Н. Мамина, М.М. Абрамовой и Е.Д. Маминой перенесли из Лавры на литературные мостки Волкова кладбища, где установлен гранитный памятник, напоминающий уральскую скалу. На гранитном камне прикреплена плита с двумя бронзовыми бюстами - Д.Н. Мамина-Сибиряка и его дочери Елены. В нижней части памятника, на сером граните высечены слова, взятые из романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Черты из жизни Пепко»: *«Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец - вот настоящее счастье».*

В 1914 году, после смерти Елены Маминой, родословная ветвь, продолжавшаяся на протяжении (пока известных) двухсот лет, - оборвалась.

Послесловие

Мечты Елены Дмитриевны Маминой, о которых она писала в завещании, осуществились только в 1946 году, когда в Екатеринбурге открылся дом-музей Д.Н. Мамина-Сибиряка на улице Пушкина. И более того, ещё в 1926 году была открыта первая выставка личных вещей Мамина-Сибиряка в музее Уральского Общества Любителей Естествознания. В посёлке Висим, на родине Д.Н. Мамина-Сибиряка, в 1959 году открыли мемориальную комнату писателя, а в 1979 году создан мемориальный музей уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка. Во многих городах и посёлках Урала улицы носят имя Мамина-Сибиряка.

Сама Елена Дмитриевна Мамина явилась символом Алёнушкиных сказок, а её короткая жизнь вызвала неподдельный интерес читателей, как непосредственную повлиявшая на творчество уральского писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка.

М.Г. Китайник в повести «Алёнушка - отецкая дочь», изданной в 1983 году, делает вывод: *«...когда погрузился в чтение многочисленных неопубликованных писем Мамина-Сибиряка. Они оказались гораздо богаче по фактическому материалу, душевному настрою, идеям, обобщениям, чем прежде представлял себе автор этого повествования. Из рассказа о перипетиях семейной драмы высвечивался необычайно яркий образ самого Мамина-Сибиряка. Во весь рост вставал он из писем как человек, муж, отец, сын, брат. Но бросалась в глаза и такая особенность писем. В них больше всего освещались первые десять лет жизни Алёнушки, то есть тот период, когда писателю казалось, что болезнь не исказила в дочери чарующей красоты жены, «горлинки Маруси». Когда ещё, как признавался Мамин-Сибиряк, Алёнушка служила ему «живой моделью» для изображения других детей. Но и в эти годы её образ порой воспринимался им в горестных очертаниях. Он не забыл, что жизнь дочери была куплена ценою жизни матери».*

Дочь Елена для Дмитрия Мамина являлась очень радостным моментом в его жизни, но её появление было омрачено смертью его жены Марии. Елена внесла в жизнь и творчество Мамина огромный положительный результат. Ради дочери Елены Мамин написал целый ряд детских произведений, которые и до сегодняшнего дня читают наши дети. В свою очередь, Мамин многое пережил из-за болезненного состояния дочери.

Елена Мамина жила в творческой среде, и это также положительно повлияло на её дальнейшую жизнь, она начала писать стихи. В то же время, по мере взросления Лена в полной мере осознавала, что растёт больным человеком. Несмотря на своё недомогание, она грустила и радовалась жизни, и поэтому её душевное состояние отразилось в стихах.

Со дня рождения Елены Маминой прошло 120 лет, но стихи её по-прежнему живы. Иногда они навевают тяжёлые мысли, а чаще всего - светлые и радостные... Вчитываясь в её стихи, мы улавливаем тончайшие мысли потустороннего мира: *«На кладбище тихо: Всё оборвала судьба впереди...»*

Фотографии

1. Экспозиция, посвящённая Елене Маминой, в Доме-музее им. Д.Н. Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге.
2. Книга Д.Н. Мамина-Сибиряка «Алёнушкины сказки».
3. Сапёрный переулок, дом №8, где жил Мамин, после переезда в Петербург.
4. Елена Мамина.
5. Елена Мамина с папой Дмитрием Наркисовичем Маминым.
6. Мария Морицовна Абрамова - мать Елены Маминой.
7. Ольга Францевна Мамина-Гувале, приёмная мать Елены Маминой.
8. Елена Мамина с папой Дмитрием Наркисовичем Маминым.
9. Книга «Алёнушкины сказки».
10. Тетрадь стихов, написанных Еленой Маминой.
11. Книги Д.Н. Мамина-Сибиряка «Алёнушкины сказки».
12. Дом на Вереysкой улице, дом №3, где жили Мамины в последние годы.
13. Книга «Алёнушкины сказки».
14. Книги Д.Н. Мамина-Сибиряка «Алёнушкины сказки».
15. Акварельный рисунок Елены Маминой.
16. Экспозиция, посвящённая Елене Маминой в Доме-музее им. Д.Н. Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге.
17. Елена Дмитриевна Мамина.
18. Книга любимого поэта С.Я. Надсона.
19. Елена Дмитриевна Мамина.
20. Стихотворение Елены Маминой, написанное её рукой.
21. Экспозиция, посвящённая последнему периоду жизни Д.Н. Мамина-Сибиряка в Доме-музее в Екатеринбурге.
22. Ольга Францевна Мамина-Гувале.
23. Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк.
24. Памятный знак на могиле Елены Маминой и Д.Н. Мамина-Сибиряка на Волковом кладбище.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

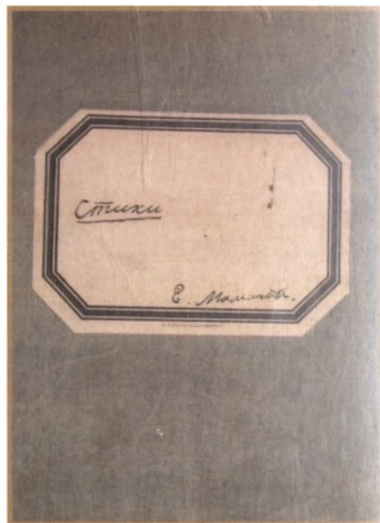
7.

8.

9.

10.

11.

12.

13.

14.

15.

16.

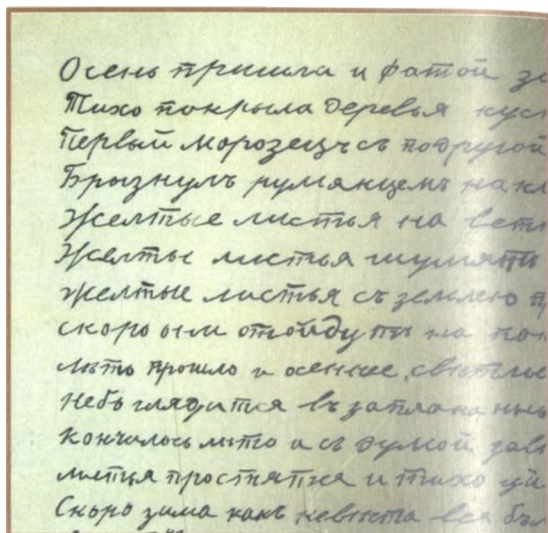
17.

18.

19.

20.

21.

22.

23.

24.

Литература

- Александрова И.С.** Д.Н. Мамин-Сибиряк. Екатеринбург, 1998.
- Боголюбов К.В.** Мамин-Сибиряк. Свердловск, 1949.
- «...Быть просто человеком». Литературно-краеведческий альманах.
Нижний Тагил. 2002.
- Ерошкина З.А.** Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. Свердловск, 1936.
- Галеева Р.С., Крякунова Н.П.** «Он в книгах такой же точно, как и в жизни...»
Екатеринбург, 2006.
- Груздев А.И.** Д.Н. Мамин-Сибиряк. М., 1958.
- Дергачев И.А.** Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск, 1977.
- Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк.** Сто лет со дня рождения. 1852-1952.
/Материалы научной конференции/. Свердловск, 1953.
- Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников.** Свердловск, 1962.
- Китайник М.Г.** Алёнушка - отецкая дочь. М., 1983.
- Колтоновская Е.А.** В стороне от главного русла. Санкт-Петербург, 1913.
- Кремянская Н.И.** Д.Н. Мамин-Сибиряк как детский писатель, Свердловск, 1952.
- Сержантов В.** Писатель-демократ Д.Н. Мамин-Сибиряк. Челябинск, 1952.
- Сергованцев Н.М.** Мамин-Сибиряк. М., 2005.
- Стариков В.А.** Жить тысячью жизней. Свердловск, 1986.
- Танкиевская И.Н.** Д.Н. Мамин-Сибиряк в Нижней Салде. Нижняя Салда, 2002.
- Удинцев Б.Д.** Образы прошлого теснятся предо мною...! Нижний Тагил, 2002.
- Удинцев Б.Д., Боголюбов К.В.** Певец Урала. Свердловск, 1969.
- Урал. № 11. Екатеринбург, 2002.
- Фидлер Ф.Ф.** Из мира литераторов: Характеры и суждения. М., 2008.

Содержание

Приглашение к книге	5
От редактора	7
О книге	8
Елена Мамина	9
Послесловие	48
Фотографии	50
Литература	55

Для заметок

60-00
2/6

Нижний Тагил 2011 г.

Перепечатка отдельных частей или произведения в целом без письменного разрешения владельцев прав запрещена.

Андрей Леонидович Пичугин

Елена Мамина

Литературное наследие России

Фотографии и фотокопии А. Л. Пичугина

Отпечатано в типографии «Репринт»,
622001, г. Нижний Тагил, ул. Ломоносова, 49.
Тел.(3435) 256-255, факс 256-447.
E-mail: info@reprint.ru
Подписано в печать 10.11.2011 г.
Печать цифровая.
Бумага мелованная 150 г/м2.
Формат 60х90/8. Объем 15 п.л.
Заказ № 920258. Тираж: 100 экз.

